

ГИМНАЗИЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ ШЕСТИДЕСЯТНИКА.

Я родился въ Москвѣ въ Октябрѣ 1851 года. Мой отецъ, извѣстный впослѣдствіи редакторъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, Валентинъ Ѳедоровичъ Коршъ, былъ по рожденію тоже Москвичемъ; его отецъ былъ въ свое время извѣстнымъ въ Москвѣ медикомъ и умеръ инспекторомъ Московской врачебной управы. Совершенно обрусѣвшій Нѣмецъ, дѣдъ числился еще лютераниномъ, но женился въ первый разъ на православной, Москвичкѣ, и дѣти отъ этого брака были, по закону, крещены въ православную вѣру. Овдовѣвъ, дѣдъ женился вторично на моей бабкѣ, Московской Нѣмкѣ и лютеранкѣ. Дѣтей отъ этого брака, въ томъ числѣ и моего отца, родители-лютеране уже добровольно крестили также въ православную вѣру, находя, вѣроятно, неудобнымъ имѣть въ одной семьѣ дѣтей разныхъ вѣроисповѣданій.

При поступленіи на государственную медицинскую службу, дѣдъ принялъ Русское подданство, а дослужившись до чина статскаго совѣтника сталъ, по тогдашнимъ законамъ, Русскимъ потомственнымъ дворяниномъ.

Въ первой семьѣ дѣда домашнимъ, роднымъ языкомъ былъ матери, т.-е. Русскій. Такъ оставалось и послѣ второго брака дѣда. И онъ, и моя бабка были плохими Нѣмцами, оба отлично владѣли Русскимъ языкомъ, любили говорить по-русски и считали своихъ дѣтей, какъ родившихся въ Россіи, Русскими, обязанными владѣть въ совершенствѣ языкомъ своей родины.

Дѣдъ умеръ, когда моему отцу едва минуло десять лѣтъ; вдова, оставшаяся безъ большихъ средствъ, начала расписывать сиротъ по учебнымъ заведеніямъ, по возможности на казенный счетъ. Мой отецъ попалъ казеннокоштнымъ пансіонеромъ въ первую Московскую гимназію, гдѣ и прошелъ благополучно весь курсъ средней школы, поступилъ, затѣмъ, въ Московскій университетъ, изъ котораго, вслѣдствіе столкновенія съ своимъ зятемъ, профессоромъ Никитой Крыловымъ, вынужденъ былъ перейти въ Петербургскій университетъ, гдѣ въ 1850 году и окончилъ курсъ кандидатомъ.

Огромное вліяніе имѣлъ на отца, по его словамъ, его старшій (на 20 лѣтъ) братъ, Евгений Ѳедоровичъ, близкій другъ Грановскаго, Герцена, Огарева, Кетчера и другихъ извѣстныхъ „Западниковъ“ того времени. При помощи своихъ многочисленныхъ сестеръ отецъ породнился съ Н. Н. Крыловымъ, К. Д. Кавелинымъ, А. А. Григорьевымъ.

Такая исключительная умственная и нравственная обстановка, окружавшая отца съ юныхъ лѣтъ, имѣла рѣшающее вліяніе на его будущее міросозерцаніе. Онъ постепенно проникался тѣми просвѣщенными идеями западно-европейской науки и культуры, которымъ оставался вѣренъ до конца своихъ дней.

Неудивительно, что, окончивъ университетъ, отецъ не пошелъ въ чиновники, а предпочелъ занять скромное мѣсто помощника редактора „Московскихъ Вѣдомостей“, которыя издавались тогда университетомъ, подъ редакцію лица, числившагося на государственной службѣ, въ штатѣ университетской типографіи. Такимъ лицомъ въ началѣ пятидесятихъ годовъ прошлаго вѣка былъ знаменитый потомъ публицистъ Страстнаго бульвара, а тогда ярый Западникъ и Англоманъ М. Н. Катковъ, начавшій свою публицистическую дѣятельность также помощникомъ редактора „Московскихъ Вѣдомостей“, которымъ до него былъ мой дядя, Е. Ѳ. Коршъ. Когда послѣдній переѣхалъ на службу въ Петербургъ, на его мѣсто редакторомъ университетской Московской газеты былъ назначенъ Катковъ, пригласившій себя въ помощники, по рекомендаціи дяди, моего отца.

Не знаю точно, въ которомъ году Катковъ, основавшій свой „Русскій Вѣстникъ“, оставилъ мѣсто редактора „Московскихъ Вѣдомостей“, и его преемникомъ былъ назначенъ мой отецъ, остававшійся редакторомъ университетской газеты до 1 Января 1863 года, когда ему были сданы Академіею Наукъ въ аренду „С.-П.-Б. Вѣд.“, а „Московскія Вѣдомости“ университетъ впервые сдалъ тоже въ аренду М. Н. Каткову и П. М. Леонтьеву.

Моя мать, по происхожденію, была тоже иностранка, Француженка, но, какъ и отецъ, родилась въ Москвѣ и до конца своей жизни ни разу, даже на время, не выѣзжала изъ предѣловъ Россіи. Ея отецъ выѣхалъ съ Юга Франціи съ коммерческими планами еще до нашествія Наполеона, основался въ Москвѣ, гдѣ, вмѣсто капиталовъ, нажилъ большую семью и умеръ отъ апоплексическаго удара, оставивъ жену и дѣтей безъ всякихъ готовыхъ средствъ къ существованію. Къ счастью, старшія дѣти уже были взрослыми и сумѣли воспитать младшихъ. Двѣ старшія сестры основали частную женскую школу, развившуюся впоследствии въ большое учебное заведеніе,

пользовавшееся 50 лѣтъ репутаціей одной изъ лучшихъ частныхъ школъ въ Москвѣ. Со смертью младшей моей тетки, преобразовавшей унаслѣдованный ею отъ сестеръ пансіонъ въ частную женскую гимназію, со всѣми правами правительственныхъ гимназій, наслѣдница ея продала заведеніе, державшееся болѣе полувѣка въ рукахъ одной семьи, въ новыя руки. Гимназія существуетъ и нынѣ, но кому она принадлежитъ теперь, не знаю.

Въ этомъ пансіонѣ воспитывалась и обучалась моя мать, успѣшно выдержавшая потомъ экзамень на домашнюю учительницу въ особомъ испытательномъ комитетѣ при Московскомъ университетѣ.

Мать была нѣсколько старше отца. Красивая брюнетка южнаго типа, съ неизмѣнно добрымъ выраженіемъ большихъ прекрасныхъ черныхъ глазъ, привѣтливою улыбкою на устахъ, роскошными бровями и рѣсницами, чудными черными, какъ смоль, волосами, она производила чарующее впечатлѣніе на каждого кто не былъ лишень пониманія красоты и изящества. Мы, дѣти, боготворили ее; она научила насъ боготворить отца, на котораго только что не молилась.

Отецъ отдавалъ газетѣ все свое время, днемъ и ночью, забывая, что у него есть требующая не однихъ матеріальныхъ заботъ семья.

А семья чуть ни ежегодно увеличивалась. Я былъ первымъ и родился не совсѣмъ своевременно: на одинъ или на два мѣсяца раньше срока; мать боялась потерять своего первенца, держала меня въ ватѣ, сама кормила грудью и всячески обороняла меня отъ всѣхъ случайностей дѣтскаго возраста. Ко мнѣ была приставлена пожилая, опытная няня, очень сердечная женщина, искренно привязавшаяся и ко мнѣ, и къ матери. Эта добрая Василиса усердно помогала матери выходить недоношеннаго ребенка. Я благополучно достигъ годового возраста и продолжалъ хорошо развиваться далѣе: исправно сдѣлалъ зубы, во-время сталъ ходить, говорить и пр., радуя и утѣшая обожавшихъ меня маму и няню понятливостью и проявленіемъ добрыхъ склонностей. „Весъ въ папеньку будетъ“ — лукаво пророчила Василиса. „Только этого и желаю“ — отвѣчала счастливая мать, цѣлуя своего первенца.

Отцу, какъ я уже говорилъ, не было времени заниматься мною. У него, не достигшаго еще 24 лѣтъ, не было и не могло быть никакихъ опредѣленныхъ взглядовъ на воспитаніе малолѣтнихъ дѣтей. Онъ, какъ сынъ своего времени, незнавшій къ тому же самъ никакихъ особенныхъ заботъ о немъ его родителей, былъ искренно убѣжденъ, что заботы о дѣтяхъ, пока они дома, дѣло матери, а потомъ

тѣхъ учебныхъ заведеній, куда дѣти будутъ отданы для обученія. Отецъ, поглощенный общественными дѣлами и интересами, не можетъ заниматься ни воспитаніемъ, ни обученіемъ дѣтей.

Думая такъ, мой отецъ предоставилъ матери полную свободу воспитывать насъ, какъ ей угодно, требуя лишь одного—чтобы дѣтскій крикъ не мѣшалъ его занятіямъ и чтобы его письменный столъ разъ навсегда считался дѣтски безусловно неприкосновеннымъ. Эти требованія отца исполнялись, какъ законъ; слова: „папа занимается, плакать и шумѣть нельзя“ моментально прекращали нашъ шумъ, крикъ, плачь и неизбѣжные дѣтскіе капризы. Обожавшая отца, наша мать любовно и неустанно берегла его покой и работу, не позволяя не только дѣтямъ, но и прислугѣ прикоснуться къ письменному столу отца, сама стирала съ него пыль, заботливо наблюдая, чтобы ни одна изъ массы разбросанныхъ по столу бумагъ, газетъ, писемъ, книгъ не была случайно перемѣщена, зная, что отецъ не переносилъ, когда на его рабочемъ столѣ наведутъ „порядокъ“. И прислуга, и мы, дѣти, привыкали къ тому, что на отцовскомъ столѣ ничего и никогда трогать нельзя, и не трогали.

Отца мы почти и не видѣли. Мать отстранила отъ него всѣ семейныя заботы, и одна несла всѣ многочисленныя, разнообразныя, скучныя домашнія обязанности, не вмѣшивая занятаго по горло мужа ни въ какія семейныя дѣла и дѣлишки.

Когда настало время начать наше обученіе, мать сама научила насъ Русской грамотѣ, сама, будучи католичкой, выучила съ нами по-Русскому молитвеннику главныя православныя молитвы, обучила насъ читать и писать по-Французски и по-Нѣмецки, старалась приучить насъ и говорить на этихъ двухъ языкахъ, которыми сама владела отлично.

Мы съ братомъ учились охотно. Мать радовалась нашимъ успѣхамъ, а отецъ, видя, что мы не болтаемся безъ дѣла, „учимся“, не находилъ повода вмѣшиваться въ наше обученіе, да мать и не прибѣгала къ его содѣйствію и помощи, основательно не ожидая отъ мужа никакихъ полезныхъ практическихъ педагогическихъ совѣтовъ и указаній.

Такъ я доросъ до десятаго года. Хотя и недоношенный, я не хворалъ никакими болѣзнями, но мамѣ и нянѣ постоянно казалось, что я недостаточно здоровъ, бодръ и веселъ, и онѣ всячески оберегали меня отъ лишнихъ прогулокъ, игръ на воздухѣ, которыя Василиса считала „озорствомъ“, простительнымъ лишь уличнымъ маль-

чишкамъ, а не „благороднымъ“ дѣтямъ. „Еще глазъ, чего добраго, вышибуть,—говорила она, глядя какъ многочисленная дѣтвора слушающихъ университетской типографіи, жившихъ, какъ и мы, въ казенныхъ зданіяхъ, бѣгала по двору, играя въ лапту и другія веселыя игры,—лучше отойди отъ грѣха“, и уводила меня отъ шумной, веселой дѣтской толпы.

Мать видѣла, что я развивался быстро, легко усвоивалъ несложную учебу, хорошо читалъ и писалъ по-Русски, по-Французски и по-Нѣмецки, зналъ четыре правила ариѳметики, могъ и любилъ читать одинъ подаренный мнѣ книжки, зналъ наизусть нѣсколько басенъ Крылова и Лафонтена,—вообще, былъ прилежнымъ и любознательнымъ мальчикомъ,—и не обременяла меня чрезмѣрными учебными занятіями.

Кончалось лѣто 1861 года, которое мы проводили въ подмосковной деревнѣ Давыдково, нанимая просторную крестьянскую избу у кормилицы моего брата.

Отецъ не могъ, конечно, жить на дачѣ, онъ пріѣзжалъ къ намъ каждый день къ обѣду и оставался до утра, поручивъ на лѣто выпускъ газеты своему помощнику, каковымъ былъ извѣстный потомъ общественный дѣятель Митрофанъ Павловичъ Щепкинъ.

Въ одно изъ воскресеній отецъ неожиданно сказалъ мнѣ, что на утро повезетъ меня въ городъ, а тамъ въ гимназію, на вступительный экзамень.

Для матери это, повидимому, былъ такой же сюрпризъ, какъ и для меня. Какъ теперь помню ея вопросъ, обращенный къ отцу:

— А ты думаешь, что Еню примуть? Вѣдь ему нѣтъ еще десяти лѣтъ.

— Примуть,—отвѣчала мать,—мнѣ обѣщали не придираяться къ мѣсяцамъ, которыхъ ему недостаетъ до десяти лѣтъ, если онъ, по познаніямъ, окажется готовъ въ первый классъ.

Этимъ и кончилась родительская бесѣда о предстоявшемъ мнѣ на другой день испытаніи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Московская третья гимназія.

Въ 1861 году Московская третья гимназія помѣщалась въ томъ же красивомъ зданіи на Лубянкѣ, гдѣ она находится и теперь. Гимназія эта была „реальной“: въ ней не преподавалось древнихъ языковъ, взамѣнъ которыхъ былъ расширенъ курсъ математики и препо-

давалась естественная исторія. Но эта особенность гимназiи проявлялась лишь съ 3-го класса, курсъ же первыхъ двухъ классовъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ гимназiй съ древними языками, преподаваніе которыхъ, до времени Толстовскаго лже-классицизма, тоже начиналось съ 3-го класса.

Вступительный экзаменъ я выдержалъ успѣшно, и нехватка двухъ мѣсяцевъ до установленнаго пріемнаго возраста не помѣшала моему поступленію въ первый классъ.

Маленькій портной „Василій“ живо соорудилъ мнѣ сюртукъ съ краснымъ воротникомъ, и я началъ исправно каждое утро бѣгать съ Страстнаго бульвара на Лубянку.

Какое впечатлѣніе произвела на меня общая гимназическая обстановка? Отвѣтить опредѣленно на этотъ вопросъ теперь, по прошествiи 49 лѣтъ, не берусь: въ моей, вообще очень хорошей памяти, не сохранилось по этому предмету никакого яснаго воспоминанія, никакой общей картины, помнятся отдѣльныя лица учебнаго персонала, мелькаютъ фигуры товарищей, классныя парты, надзиратели: Французъ и Нѣмецъ, тщетно добивавшіеся, чтобы мы говорили съ ними на иностранныхъ языкахъ, ставившіе насъ на колѣни за классную доску на всю перемену и постоянно грозили намъ розгами, но угрозы эти, въ большинствѣ случаевъ, не осуществлялись, ибо надзиратели сами, безъ разрѣшенія инспектора, не имѣли права примѣнять тѣлеснаго наказанія, а инспекторъ очень рѣдко давалъ это разрѣшеніе, не будучи самъ приверженцемъ розги.

Изъ учителей помню: Зенгбуша (географія), Трусова (арифметика) и Соснецкаго (Русскій языкъ). Припоминается еще законоучитель, котораго мы называли въ глаза — „батьюшка“, а за-глаза — „батька“, и фамиліей его никогда не интересовались и не знали, какъ его зовутъ. Плотная, бритая фигура директора Грифцова въ мундирномъ фракѣ, съ большимъ орденомъ на шеѣ, внушала намъ паническій страхъ, хотя къ этому и не было никакихъ основаній; директоръ былъ человекъ, правда, сухой, но несомнѣнно добрый, онъ никогда не наказывалъ ученика, не выслушавъ его оправданій, никогда не принималъ, помимо инспектора, никакихъ жалобъ отъ классныхъ надзирателей, не любилъ онъ и не поощрялъ жалобъ учениковъ другъ на друга, называлъ это „фискальствомъ“, „предательствомъ“ и прогонялъ жалобщика. Не помню ни одного случая наказанія директоромъ ученика по жалобѣ товарища, или по докладу надзирателя, перваго Грифцовъ прямо прогонялъ, даже не выслушавъ, а втораго отсылалъ къ инспектору.

Инспекторъ, Петръ Александровичъ Александровъ, былъ къ намъ ближе, мы его видѣли чаще директора, онъ былъ для насъ верховнымъ безапелляціоннымъ судьей всѣхъ нашихъ поступковъ и проступковъ. Войдя въ перемѣну въ классъ и увидѣвъ стоявшихъ на колѣняхъ, П. А. непременно допрашивалъ дежурнаго надзирателя— въ чемъ провинились наказанные, и если вина ограничивалась дѣтскою шалостью, просилъ надзирателя простить шалуна. Просьба инспектора, конечно, всегда исполнялась, и шалуны, отвѣсивъ инспектору благодарный поклонъ, стремглавъ бѣжали въ коридоръ, гдѣ толпа гимназистовъ такъ или иначе разминала свои юные члены, въ ожиданіи звонка на слѣдующій урокъ.

Не могу сказать, чтобы мы любили П-ра А-ча, но мы, сами того не сознавая, уважали его за всегда доброжелательное и снисходительное отношеніе къ нашимъ шалостямъ, за защиту насъ отъ розогъ по жалобамъ надзирателей, за ежедневное освобожденіе отъ стоянія на колѣняхъ и отъ сидѣнія въ свѣтломъ и темномъ карцерѣ, куда насъ охотно забирали надзиратели, когда замѣчали, что мы не стоимъ смиренно на колѣняхъ. Чтобы привлечь вниманіе П. А., влекомый въ карцеръ поднималъ громкій плачь и шумъ, ближайшій другъ его спѣшилъ въ коридоръ и старался попасть на глаза инспектору, который неминуемо, слыша крикъ, гулко доносившійся изъ перваго класса, спрашивалъ перваго попадавшаго ему на глаза первоклассника:

— Чтò у васъ случилось? Кто и отчего кричитъ?

— Надзиратель тащитъ Иванова въ карцеръ, — отвѣчалъ другъ Иванова.

И П. А. спѣшилъ въ классъ спасти шалуна отъ заточенія.

Иначе относился инспекторъ къ жалобамъ учителей и къ лѣности учениковъ. Сами учителя рѣдко прибѣгали къ дозволеннымъ имъ наказаніямъ, одинъ священникъ охотно ставилъ насъ на колѣни за доску, приговаривая: „благодарн, мерзавецъ, что не жалуясь инспектору, онъ бы тебя отлично выпоролъ“. И почтенный законоучитель былъ правъ: каждая жалоба учителя влекла за собой неизбѣжную порку. Мы это отлично знали и всячески старались не доводить учителей до жалобъ инспектору. Но иногда учителя хитрили: жаловались, не предупреждая виновнаго, и это обнаруживалось въ ближайшую среду или субботу. Въ эти дни П. А. послѣ втораго урока обходилъ всѣ классы и вызывалъ всѣхъ обреченныхъ на жестокую расправу. Вызванныхъ собиралось иногда человѣкъ 20, тутъ были не только

ученики первыхъ трехъ классовъ, но и воспитанники 4-го, 5-го, 6-го и 7-го классовъ, съ усиками и пробивающеюся бородкой. Всѣ молчали, знали, что никакія просьбы не измѣнять рѣшенія инспектора, утвержденнаго постановленіемъ педагогическаго совѣта. Обреченные строились по два въ рядъ и молча шли за инспекторомъ мимо всѣхъ классовъ, по главному коридору гимназіи, на главную парадную лѣстницу; позорное шествіе замыкалъ назначенный присутствовать при экзекуціи надзиратель, вмѣсто инспектора, не любившаго этого зрѣлища. Шествіе спускалось внизъ по лѣстницѣ и скрывалось въ швейцарской, за которой имѣлась небольшая, совершенно пустая комнатка, посерединѣ которой стояла широкая скамейка, а у окна—кресло, обитое клеенкой, съ деревянными спинкою и локотниками, на которомъ все время наказанія сидѣлъ надзиратель. У скамейки уже стоялъ сторожъ, а на полу лежало нѣсколько пучковъ розогъ. Жертвы размѣщались вокругъ скамейки, и порка начиналась со старшихъ,—вѣроятно, для большаго воздѣйствія на младшихъ. Спускать штаны наказываемый долженъ былъ самъ, какъ и ложиться на скамью, снабженную подвижными широкими ремнями, изъ которыхъ однимъ прикрѣплялись ноги, а другой пропускался подъ мышками и укрѣплялъ туловище. Мысль введенія этого приспособленія принадлежала нашему гувернеру-Нѣмцу, увѣрявшему, что такія скамейки приняты во всѣхъ Нѣмецкихъ гимназіяхъ и премированы высокою денежною наградою. И мы наглядно убѣждались, что Нѣмецъ не одну „обезьяну“ выдумалъ.

Окончивъ приготовленія, сторожъ вытягивался во весь свой ростъ, лицомъ къ надзирателю, и возглашалъ:

— Готово, ваше высокоблагородіе; позвольте начинать?

Надзиратель окидывалъ бѣглымъ взоромъ скамейку, махалъ рукой и произносилъ: 15 или двадцать.

И позорное наказаніе начиналось и продолжалось, пока всѣ приведенные ученики не получили опредѣленнаго имъ количества ударовъ.

Повторяю, розги примѣнялись почти исключительно по назначенію педагогическаго совѣта, ни директоръ, ни инспекторъ не любили пользоваться своимъ правомъ наказывать учениковъ розгами по своему личному усмотрѣнію и потому это суровое наказаніе не процвѣтало. Неизмѣримо употребительнѣе было другое позорное наказаніе, примѣнявшееся ежедневно по назначенію инспектора: въ большую перемѣну нѣсколько провинившихся воспитанниковъ трехъ младшихъ классовъ выводились на площадку парадной лѣстницы, соединявшую двѣ поло-

вины главнаго гимназическаго коридора, и ставились тамъ на колѣни подъ большими часами на все время перерыва между вторымъ и третьимъ урокомъ, на глазахъ всей отдыхающей гимназiи. Мы называли это „стояніемъ на часахъ“. Къ наказаннымъ запрещалось подходить, останавливаться около нихъ и разговаривать съ ними. Находились, однако, смѣльчаки, умѣвшіе не только бесѣдовать съ наказанными, но и искусно передавать имъ часть своего завтрака. Помню, разъ и я попытка подѣлиться завтракомъ съ стоявшимъ на часахъ моимъ двоюроднымъ братомъ, Петей Григорьевымъ, сыномъ извѣстнаго въ свое время критика Аполлона Александровича Григорьева, но, увы, сдѣлалъ это такъ неудачно, что и самъ остался безъ завтрака: незамѣченный мною надзиратель выхватилъ у меня протянутую Григорьеву булку и отдалъ ее дежурному сторожу, а мнѣ пригрозилъ жалобой инспектору. Но подобныя неудачи случались рѣдко, и надзиратели, въ сущности, смотрѣли на такія передачи сквозь пальцы.

Но довольно о наказанiяхъ. Посмотримъ теперь, чему и какъ насъ учили въ первомъ классѣ.

Намъ преподавались: Законъ Божiй (ветхiй завѣтъ), Русскiй языкъ, арифметика, географія, Французскiй и Нѣмецкiй языки, чистописание и рисованіе. О законоучителѣ у меня не сохранилось буквально никакихъ воспоминанiй, даже лица его не помню. Русскiй языкъ преподавалъ неимовѣрный толстякъ Соснецкiй, вѣсившiй, какъ говорили тогда, чуть ли не 11 пудовъ. Кто видѣлъ разъ грузную фигуру невысокаго роста, на короткихъ ногахъ, Соснецкаго, тотъ не могъ не запомнить ее навсегда. И я, черезъ почти 50 лѣтъ, живо помню эту фигуру съ бритымъ небольшимъ лицомъ, бѣгающими темными, добрыми глазами, висящимъ подбородкомъ, огромнымъ ртомъ, изъ котораго торчали большіе желтые зубы. На мясистомъ носу сидѣли большіе черепаховые очки съ совершенно круглыми стеклами; шея была повязана широкимъ атласнымъ шарфомъ, сверхъ котораго красовался большой орденъ, такой же, какъ у директора; другой орденъ висѣлъ въ петлицѣ форменнаго фрака; на огромномъ мизинцѣ лѣвой руки красовался большой золотой перстень съ печаткой. Входилъ Соснецкiй въ классъ медленно, шелъ прямо на кафедру, садился на кресло и сидѣлъ весь урокъ, ни разу не вставая. Уроки его мы любили, въ классѣ не шумѣли, не разговаривали, охотно и внимательно слушали его чтеніе или диктовку. Соснецкiй не душилъ насъ заучиваніемъ на память сухихъ грамматическихъ правилъ и терминовъ. Онъ училъ насъ читать и писать правильно на Русскихъ классическихъ писателяхъ, доступныхъ нашему дѣтскому пониманію. Онъ читалъ намъ

сперва, на примѣръ, басню Крылова самъ всему классу; затѣмъ, подзываетъ кого-нибудь изъ насъ къ себѣ и заставляетъ прочесть вслухъ ту же басню, приговаривая: „читай и замѣчай, какъ прочитанныя слова написаны“. Потомъ диктовалъ ту же басню, заставляя ученика писать подъ диктовку на классной доскѣ, исправлялъ ошибки, объясняя таковыя недостаточно внимательнымъ чтеніемъ; исправленный текстъ басни весь классъ переписывалъ въ свои тетради; на слѣдующій урокъ весь классъ долженъ былъ умѣть прочесть и написать подъ диктовку ту же басню. И это продолжалось до того блаженнаго дня, когда Соснецкій, не вызывая никого къ доскѣ, диктовалъ всю ту же басню всему классу и отбиралъ у насъ тетради, унося ихъ домой. Такимъ способомъ Соснецкій развивалъ нашу зрительную память, приучая нашъ глазъ къ орфографіи писателя и къ правильному начертанію текста, безъ знанія грамматическихъ формъ, даже названія послѣднихъ.

— Замѣчайте и помните — какъ и когда писали Крыловъ, Пушкинъ и Лермонтовъ, а почему они писали именно такъ, я расскажу вамъ во второмъ классѣ, когда начнемъ учить скучную и нелегкую родную грамматику, а пока учитесь правильно писать у дѣдушки Крылова и вѣрьте, что онъ пишетъ вѣрно.

Вотъ, что слышали мы отъ Соснецкаго вмѣсто надеждъ, глаголовъ и другой грамматической мудрости. Къ концу учебнаго года мы знали наизусть почти всего Крылова, много стихотвореній Пушкина, Лермонтова, доступныхъ нашему пониманію. Мы могутъ не повѣрить, но я долженъ сказать, что мы такъ набили свои глаза, что писали правильно не одни басни и стихи, заученные въ классѣ, а и всякія другія записи, которыя случалось дѣлать на урокахъ другихъ учителей. Мы невольно привыкли замѣчать начертаніе словъ при всякомъ чтеніи, не только учебномъ, но и вольномъ, когда читали для себя и по собственному почину: книги, газету, письма. Всюду мы замѣчали отступленія отъ памятной намъ орфографіи Крылова или Пушкина, и несли наши находки Соснецкому, который не лѣнился провѣрять наши сомнѣнія и повторять намъ, что Крыловъ и Пушкинъ всегда правы, и что тотъ, кто пишетъ не такъ, какъ они, не умѣетъ писать по-Русски.

Другимъ любимымъ нашимъ урокомъ былъ урокъ географіи. И. А. Зенгбушъ справедливо считался въ свое время выдающимся преподавателемъ этого предмета; его уроки были всегда занимательны и интересны. Первый годъ онъ посвящалъ свѣдѣніямъ о мірозданіи: рассказывалъ намъ, съ глобусомъ въ рукахъ, о видѣ земли, ея поло-

женіи относительно солнца, луны и пр., знакомилъ насъ съ вращеніемъ земного шара, объяснялъ исчисленіе времени: годъ, мѣсяць, день, ночь; говорилъ о причинахъ холода, тепла, дождя, снѣга, вѣтра и другихъ главныхъ, ежедневно наблюдаемыхъ нами явленіяхъ природы.

Всѣ эти рассказы и объясненія, конечно, живо заинтересовывали насъ, и классъ тихо и внимательно слушалъ занимательные уроки Ивана Александровича, легко усвоивая передаваемые имъ любопытныя свѣдѣнія.

Памятны мнѣ также уроки ариѳметики молодого учителя Трусова, вполнѣдствіи привлеченнаго къ Нечаевскому дѣлу. Трусовъ толково и просто познакомилъ насъ съ именованными числами и дѣйствіями надъ дробями. Весь годъ мы дѣлали, и въ классѣ, и дома задачи изъ забытаго теперь задачника Буссе.

Изъ остальныхъ учителей ясно помню одного: Француза Жузель, настолько хорошо владѣвшаго русскимъ языкомъ, что занимался у моего отца переводами для „Московскихъ Вѣдомостей“,—можетъ быть, я поэтому и помню его.

Учебный годъ прошелъ скоро; весной 1862 года я благополучно выдержалъ переходной экзамень во второй классъ, но мнѣ не было суждено продолжать ученіе въ Москвѣ: лѣтомъ 1862 года отцу удалось выхлопотать сдачу ему въ аренду съ 1-го Января 1863 года на шесть лѣтъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, и осенью мы переѣхали на жительство въ Петербургъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

С.-Петербургская Ларинская (4) гимназія.

Арендный договоръ обязывалъ отца печатать „С.-Петербургскія Вѣдомости“ непремѣнно въ типографіи Академіи наукъ, помѣщавшейся, какъ и нынѣ, на Васильевскомъ островѣ. Понятно, и редакція, для удобства сношеній съ типографіей, принуждена была помѣститься или на этомъ же островѣ, или вблизи Николаевского моста. Найти удобную для редакціи и для семьи квартиру на Вас. островѣ отцу сразу не удалось, и первый годъ мы помѣстились въ Галерной улицѣ, близъ Николаевского моста, въ домѣ, принадлежавшемъ тогда графу Стенбокъ-Фермору. Но отецъ находилъ это мѣсто все-таки для редакціи неудобнымъ и рѣшилъ черезъ годъ перебраться непремѣнно на островъ. Поэтому, и меня перевели въ единственную въ то время гимназію, находившуюся на Васильевскомъ островѣ—Ларинскую. Гим-

назія эта считалась четвертою, но носила имя Ларина, пожертвовавшего казнѣ, собственно для гимназіи большой каменный домъ, въ которомъ она и помѣщается и понынѣ, какъ и носить имя щедрого жертвователя. Ларинская гимназія всегда пользовалась репутаціей одной изъ лучшихъ гимназій въ Петербургѣ и совершенно заслуженно. Я пробылъ ея ученикомъ шесть лѣтъ и могу сказать, что за все время моего обученія, съ осени 1862 по весну 1868 года, Ларинская гимназія располагала выдающимся учебнымъ и административнымъ персоналомъ, оставившимъ въ насъ, ученикахъ, самое теплое воспоминаніе. Я не хочу сказать, что наши учителя были идеальными педагогами, но долженъ признать, что среди нихъ не было людей злыхъ, несправедливыхъ, тупо-невѣжественныхъ, грубыхъ, или жестокихъ. Были, конечно, учителя, такъ сказать, второго сорта, были классные надзиратели глупые, но ихъ глупость не приносила намъ ни вреда, ни огорченій. И въ общемъ, получалась атмосфера сносная, доброжелательная, пріятно вспоминаемая.

Съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю я учителей: математики и космографіи А. А. Адамова, географіи В. С. Парамонова, исторіи Д. М. Воскресенскаго, латинскаго языка Игн. А. Коссовича, русскаго языка А. В. Михайлова, французскаго языка Жерома Бастена, рисованія художника Чернышева; помню также учителей второго сорта: физики Н. Н. Фусса, нѣмецкаго языка И. А. Леференца, чистописанія В. В. Оттена; помню и нашихъ классныхъ надзирателей: Штадена, братьевъ Ширмахеровъ, Зоммера. Почти о всѣхъ будетъ рѣчь впереди. Сначала скажу нѣсколько словъ о директорахъ и инспекторахъ, которыхъ при мнѣ перебивало нѣсколько.

При моемъ поступленіи директоромъ былъ только что переведенный изъ провинціи А. В. Латышевъ, а инспекторомъ В. В. Григорьевъ. Первый скоро былъ назначенъ на вновь открытую должность помощника попечителя спб. учебнаго округа, такъ что о немъ у меня сохранилось лишь смутное воспоминаніе. Но все-таки мнѣ помнится А. В., какъ человѣкъ мягкій, который гимназистовъ не притѣснялъ, былъ снисходителенъ къ нашимъ шалостямъ и школьничествамъ, не наказывалъ сурово и зря, терпѣливо выслушивалъ наши оправданія, въ общемъ, не былъ директоромъ-пугаломъ.

Объ инспекторѣ, В. В. Григорьевѣ, напротивъ, я храню самое ясное, вполне определенное воспоминаніе. Это былъ на рѣдкость добрый, гуманный человѣкъ, педагогъ по призванію; онъ поощрялъ въ насъ развитіе самостоятельности, любознательности, цѣнилъ и уважалъ проявленіе въ ученикѣ чувства собственнаго достоинства, раз-

умнаго самолюбія, стремленія къ толковому чтенію, понималъ юношеское влеченіе къ движенію, не преслѣдовалъ безобидныхъ и безвредныхъ шалостей, всегда тепло и участливо относился къ нашимъ горестямъ, избѣгалъ прибѣгать ко всякаго рода наказаніямъ; сдѣлать ученику выговоръ ему было гораздо труднѣе, чѣмъ намъ выслушать десятокъ всякихъ внушеній. Никогда, пока живъ, не забуду характернаго случая, бывшаго со мной:

Помнится, я былъ уже въ пятомъ классѣ. Уроки распредѣлялись у насъ такъ, что три дня было по 4 урока, а другіе три дня по 5. То же было и въ другихъ классахъ, при чемъ дни не совпадали: въ однихъ классахъ 4 урока были назначены по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, а въ другихъ по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ. Ученики сейчасъ же сообразили, что отъ пятаго урока можно иногда освободиться, незамѣтно уйдя изъ гимназій съ классами, у которыхъ въ данный день было назначено лишь 4 урока. Разъ какъ-то и мнѣ вздумалось уйти отъ пятаго урока. Прихожу на слѣдующій день, немного опоздалъ, первый урокъ уже начался. Иду по корридору къ своему классу, какъ слышу голосъ идущаго мнѣ навстрѣчу инспектора:

— Коршъ, подождите.

Сходимся. Я раскланиваюсь и жду упрека за опозданіе.

— Вы вчера ушли отъ пятаго урока, не спросившись у меня. Зачѣмъ? Вѣдь вы знаете, что я никогда не отказываю въ разрѣшеніи уйти домой раньше конца классовъ, если для этого есть уважительная причина. Убѣгать тайкомъ нехорошо.

— Виновать, Василій Васильевичъ, у меня сильно разболѣлась голова, я васъ искалъ, чтобы спроситься, но нигдѣ васъ найти не могъ.

— Куда же это я спрятался? Цѣлый день стараюсь быть у васъ на глазахъ. Вѣрно, плохо искали. Ну, идите теперь въ классъ и не убѣгайте больше безъ спроса. Я вчера хотѣлъ поручить вамъ передать вашему батюшкѣ, что умеръ старикъ Востоковъ, хоронить не на-что, не поможетъ ли намъ Литературный фондъ? Вашъ батюшка, помнится, состоитъ членомъ комитета фонда, да, вѣроятно, и русской грамотѣ учился по грамматикѣ покойнаго Востокова. Скажите отцу, что старикъ умеръ нищимъ, и помочь его вдовѣ не грѣхъ.

Этимъ кончилась бесѣда инспектора съ провинившимся гимназистомъ. Толстовскіе гимназисты, пожалуй, не повѣрятъ, что были такіе инспекторы; были, да ихъ смела толстовская метла. Впрочемъ, В. В. оставилъ Ларинскую гимназію одновременно съ введеніемъ по-

выхъ, толстовскихъ порядковъ. Онъ перешелъ на должность инспектора народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи, занимая которую, кажется, и скончался. Въ срединѣ семидесятыхъ годовъ я встрѣтился съ нимъ на какомъ-то школьномъ праздникѣ въ городской думѣ; онъ былъ еще бодрымъ, живымъ старикомъ, сейчасъ же вспомнилъ меня, и мы весело поболтали, гуляя по думской залѣ.

Латышева смѣнилъ учитель 2-й, или 3-й гимназій В. Л. Радловъ, но онъ скоро сошелъ съ ума и директоромъ Ларинской гимназій былъ назначенъ И. Ѡ. Кноррингъ, при которомъ я и кончилъ курсъ. В. В. Григорьева замѣнилъ нашъ учитель ариѳметики въ младшихъ классахъ Ѡедоръ Александровичъ Постельсъ, сынъ какого-то виднаго чиновника въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Гимназисты старшихъ классовъ и второгодники 3-го и 4-го класса знали Кнорринга: онъ до В. В. Григорьева былъ инспекторомъ въ Ларинской гимназій, откуда былъ назначенъ директоромъ, кажется, вновь открытой тогда шестой гимназій и былъ переведенъ къ намъ для приведенія въ порядокъ Ларинской гимназій, будто бы распущенной послѣ Латышева. И. Ѡ. Кноррингъ не нашелъ, однако, этой мнимой распущенности, ибо никакихъ явныхъ мѣръ къ упорядоченію гимназій не принималъ, относясь съ полнымъ довѣріемъ къ дѣятельности В. В. Григорьева и сохраняя самыя корректныя отношенія со всѣмъ учительскимъ персоналомъ. Ученики, въ свою очередь, не имѣли повода жаловаться на директора: если онъ не былъ такъ мягокъ, какъ инспекторъ, то во всякомъ случаѣ былъ несомнѣнно справедливъ, терпѣливъ и внимателенъ, особенно къ заявленіямъ пансіонеровъ, когда они приходили жаловаться на эконома, не разъ пытавшагося кормить ихъ не совсѣмъ свѣжимъ мясомъ и горькимъ масломъ. Долго Иванъ Ѡедоровичъ ограничивался внушеніями эконому, но видя, что слова не дѣйствуютъ на толстокожаго И. И. Завадскаго, предложилъ послѣднему подать въ отставку, и жалобы пансіонеровъ прекратились.

Обращаюсь къ учителямъ.

Законоучителей у насъ было два: въ первыхъ трехъ классахъ преподавалъ священникъ Борисоглѣбскій, а въ старшихъ—извѣстный по своимъ учебникамъ протоіерей А. Н. Рудаковъ. Первый былъ обыкновенный, мало образованный попикъ, не злой, требовавшій отъ насъ знанія учебника Рудакова, который всегда держалъ передъ своими глазами, когда ученикъ отвѣчалъ ему урокъ, что давало намъ поводъ утверждать, что самъ батька не знаетъ ни ветхаго, ни новаго завѣта, ни катехизиса.

Рудаковъ былъ попъ ученый, его мы трусили, старались не раздражать, пока, впрочемъ, не привыкли къ нему, не убѣдились, что имѣемъ дѣло съ человѣкомъ доброй души и истинно христіанскаго настроенія. Тогда начались школьничества, на примѣръ: прежде чѣмъ Рудаковъ успѣетъ начать рассказывать новый урокъ, или спрашивать, пѣднимается одинъ мой товарищъ и задаетъ Рудакову слѣдующій вопросъ:

— Позвольте, батюшка, спросить васъ: правда-ли, что человѣкъ произошелъ отъ обезьяны?

— Не знаю,—скромно отвѣчалъ священникъ,—кому угодно, пусть происходитъ отъ обезьяны, а я не согласенъ, и вамъ не совѣтую соглашаться. Займемся лучше нашимъ урокомъ.

И почтенный законоучитель переходилъ или къ разсказу, или вызывалъ кого-либо отвѣчать урокъ. Слушая наши отвѣты, онъ не придирался къ мелочамъ, къ явнымъ обмолвкамъ, но требовалъ, чтобы мы дѣйствительно знали и понимали пройденное, говоря постоянно, что образованный человѣкъ долженъ непремѣнно знать догматы и исторію своей религіи, какъ бы онъ ни былъ равнодушенъ къ ученію церкви. „Учитесь—говорилъ о. Рудаковъ—уваженію къ своей церкви у католиковъ и протестантовъ; они не глупѣе васъ, а ни католикъ, ни протестантъ никогда не позволятъ себѣ, какъ это часто дѣлаемъ мы, Русскіе, глумиться надъ вѣрою своего народа, надъ служителями своей церкви.

Русскій языкъ въ первыхъ трехъ классахъ преподавалъ намъ нѣкій Кравченко, о которомъ у меня не сохранилось буквально никакихъ воспоминаній, ни пріятныхъ, ни непріятныхъ. Въ 4-омъ классѣ на смѣну Кравченко появился А. В. Михайловъ, учитель, оставившій по себѣ самую свѣтлую память. Къ сожалѣнію, онъ былъ боленъ чахоткою, и мы пользовались его прекрасными уроками только два года. А. В. знакомилъ насъ послѣдовательно со всѣми русскими классиками до Некрасова включительно. Тогда это было большой смѣлостью, ибо, по программѣ, русская литература кончалась для гимназистовъ Пушкинымъ и Лермонтовымъ, и то только въ образцахъ, помѣщенныхъ въ хрестоматіяхъ Галахова и Филонова. Въ 4-мъ классѣ мы уже писали, такъ называемая, „сочиненія“, т. е. переложенія, характеристики, сравненія и пользовались при этомъ статьями Бѣлинскаго и—страшно вымолвить—Писарева. И все по указанію учителя словесности, читавшаго намъ вслухъ сочиненія обоихъ критиковъ. На урокъ словесности узнали гимназисты и объ арестѣ и осужденіи на каторгу Чернышев-

скаго и о судьбѣ поэта М. Л. Михайлова. Незабвенный Александръ Васильевичъ не затруднялся принести въ классъ книжку „Современника“, чтобы прочесть намъ новую поэму Некрасова, или „Русскаго Слова“ съ новой статьей Писарева. Читалъ онъ отлично, сопровождалъ чтеніе интересными поясненіями, и уроки проходили съ постояннымъ оживленіемъ, возбуждали между учениками, и послѣ урока, жаркіе споры, горячій обмѣнъ впечатлѣній, оставленныхъ прочитаннымъ въ классѣ произведеніемъ писателя, поэта или критика. Подъ вліяніемъ Михайлова, въ гимназіи сложился кружокъ юношей, сходящихся другъ у друга по вечерамъ для чтенія и бесѣдъ о прочитанномъ, читались на такихъ кружковыхъ собраніяхъ и приготовленные для Михайлова „сочиненія“, обсуждались его отмѣтки на возвращенныхъ тетрадяхъ.

Результаты такого „свободнаго“ преподаванія не замедлили сказаться: мы приобрѣли живой интересъ къ Русской литературѣ, поняли ея значеніе, задачи и назначеніе, начали сознательно читать и искать въ современной литературѣ отвѣтовъ на многіе зародившіеся въ нашихъ юныхъ головахъ вопросы жизни. Живо помню, какіе горячіе споры вели мы между собой по поводу Тургеневскихъ „Отцовъ и Дѣтей“ и мнѣнія о Базаровѣ, высказаннаго въ „Современникѣ“ Антоновичемъ и въ „Русскомъ Словѣ“ Писаревымъ. Михайловъ на урокахъ прочелъ намъ весь романъ Тургенева; затѣмъ, началъ бесѣду по поводу его содержанія и характеровъ выведенныхъ авторомъ лицъ. Среди учениковъ были уже читавшіе тотъ или другой отзывъ критики. Это сейчасъ же, разумѣется, сказалось въ разсужденіяхъ гимназистовъ. Михайловъ остановилъ рьяного почитателя „Современника“ и спокойно, убѣдительно изложилъ намъ, почему онъ считаетъ Базарова не карриатурой на современную молодежь, а сильнымъ, крайне оригинальнымъ характеромъ, сказавъ, что въ оцѣнкѣ романа, по его мнѣнію, правъ не Антоновичъ, а Писаревъ, критическое чутье котораго подсказало ему, что передъ нимъ не отрицательный, а новый положительный типъ, выросшій на современной почвѣ, художественно воспроизведенный Тургеневымъ. Въ заключеніе своихъ интересныхъ объясненій, Михайловъ предложилъ всѣмъ намъ слѣдующее наше „сочиненіе“ посвятить роману Тургенева, предварительно прочитавъ статьи Антоновича и Писарева и вдумавшись въ доводы обоихъ критиковъ.

Мѣсяць спустя, мы подали ему наши тетради. Понятно, въ нашихъ „сочиненіяхъ“ было мало самостоятельнаго; одни повторяли доводы и выводы Антоновича, другіе слѣпо шли за Писаревымъ, повто-

ря при этомъ слышанное ими въ классѣ отъ Михайлова. Кое-кто пытался помирить критиковъ, но это вышло неудачно: блѣдно, неубѣдительно, такъ что объ этихъ „сочиненіяхъ“ Михайловъ отозвался, какъ о попыткахъ соединить несоединимое, найти точку соприкосновенія тамъ, гдѣ все противорѣчиво, гдѣ одинъ доводъ логически исключаетъ другой, гдѣ нѣтъ мѣста добросовѣстному примиренію.

Въ такихъ работахъ и бесѣдахъ прошелъ весь четвертый классъ, которымъ и суждено было закончиться урокамъ Русской словесности даровитаго учителя. Злой недугъ заставилъ его отказаться отъ дальнѣйшей педагогической дѣятельности, и Ларинская гимназія лишилась одного изъ лучшихъ своихъ преподавателей. На его мѣсто былъ назначенъ И. Ѳ. Рашевскій, человѣкъ совсѣмъ другого склада, иныхъ взглядовъ и пріемовъ преподаванія. Къ намъ Рашевскій явился только въ 6 классѣ, весь учебный годъ пятаго класса мы оставались безъ учителя Русской словесности: Михайловъ болѣлъ, а другого учителя намъ не назначали, въ надеждѣ, что А. В. поправится на столько, что сможетъ посѣщать гимназію и вести дальше начатый имъ классъ. Ожиданія эти, однако, не оправдались, и мы, оставаясь цѣлый учебный годъ безъ уроковъ Русской словесности, перешли въ 6-й классъ съ знаніями 4-го класса; между прочимъ, въ курсъ пятаго класса входило ознакомленіе учениковъ съ церковно-славянскимъ языкомъ. Ученики пятаго класса параллельнаго отдѣленія, гдѣ уроки Русскаго языка преподавалъ А. М. Груздевъ, прошли исправно весь положенный курсъ, такъ что, когда оба отдѣленія, по обыкновенію, соединились вмѣстѣ въ 6 классѣ, не имѣвшемъ параллельнаго отдѣленія, то вновь назначенному учителю представился классъ, состоящій изъ воспитанниковъ неравныхъ познаній. Мы тотчасъ же заявили Рашевскому, что весь предыдущій годъ просидѣли безъ учителя, церковно-славянскому языку не обучались вовсе, просимъ его имѣть это въ виду и теперь, и на предстоящемъ выпускномъ экзаменѣ, если онъ не научитъ насъ тому, что мы должны были пройти въ пятомъ классѣ. Рашевскій отвѣтилъ, что проходить съ нами курсъ пятаго класса онъ не имѣетъ времени, что на выпускномъ экзаменѣ отъ насъ, конечно, не потребуютъ того, чему насъ не учили. Этимъ новый учитель и ограничился, не придавая, очевидно, большого значенія тому факту, что ему данъ сборный по познаніямъ классъ.

Рашевскій былъ старый, опытный учитель Русскаго языка, чуждый какихъ-либо передовыхъ педагогическихъ стремленій. Онъ отлично зналъ и, вѣроятно, прекрасно, не одинъ годъ, преподавалъ Русскую грамматику, слѣдуя учебнику Перевлѣскаго, но послѣ Ми-

хайлова онъ казался намъ узкимъ формалистомъ, сухимъ чиновникомъ и намъ онъ сразу не понравился. Неинтересна показалась намъ и его грамматика „съ объясненіями“, и его разборы, которыми онъ душилъ насъ въ классѣ, и его взглядъ на ученическія „сочиненія“, которыя онъ сводилъ на простой пересказъ своими словами образцовъ Русской литературы, съ казенными характеристиками литературныхъ типовъ, взятыми изъ „Исторіи Русской словесности“ Галахова; извлеченія изъ Бѣлинскаго вызвали ироническое замѣчаніе Рашевскаго, что великій критикъ писалъ не для того, чтобы гимназисты переписывали его въ своихъ письменныхъ работахъ по Русскому языку. Читая наши „сочиненія“, Рашевскій слѣдилъ не за мыслями, выраженными гимназистомъ, а за буквою ѣ и за знаками препинанія, требовалъ прежде всего грамматически правильно построеннаго предложенія, преслѣдовалъ длинные періоды и вообще больше обращалъ вниманіе на правильную внѣшность нашихъ работъ, чѣмъ на ихъ содержаніе. Правда, онъ читалъ намъ иногда вслухъ Гоголя, Тургенева, Пушкинскую прозу, но читалъ плохо, вещи намъ давно извѣстныя, съ которыми насъ познакомилъ еще Михайловъ, въ общемъ, уроки Рашевскаго шли вяло, и мы относились къ новому учителю отрицательно, всячески уклонялись отъ письменныхъ работъ и не беспокоили его никакими вопросами, никакими сомнѣніями. Онъ благополучно довелъ насъ до выпуска.

Учителями арифметики и математики въ мое время въ Ларинской гимназіи были: въ младшихъ классахъ Ѡ. А. Постельсъ (до 4-го класса) и въ старшихъ—А. А. Адамовъ. Первый былъ аккуратный, придирчивый Нѣмецъ, преподававшій толково, ясно и требовавшій отъ насъ дѣйствительнаго знанія его предмета. Ни хорошаго, ни дурного ничего о немъ сказать не могу. Позже, когда онъ былъ сдѣланъ инспекторомъ, Постельсъ оказался сухимъ педантомъ, не всегда справедливымъ, склоннымъ къ поощренію наущничества, къ мести,— качества, которыхъ онъ, будучи учителемъ, проявить не имѣлъ случая.

Алексѣй Александровичъ Адамовъ пользовался у насъ большою популярностью за свой тихій, скромный характеръ. Знатокъ своего предмета, онъ прекрасно чертилъ и объяснялъ намъ геометрическія тригонометрическія теоремы, понятно дѣлалъ алгебраическія выкладки, ни на кого никогда не кричалъ, никому не дѣлалъ никакихъ замѣчаній, спокойно или сидѣлъ на кафедрѣ, слушая отвѣтъ ученика, вызваннаго къ доскѣ, или, стоя у доски, объяснялъ новое правило, или рѣшалъ какую-нибудь образцовую задачу. И въ классѣ неизмѣнно

царила полная тишина, безусловный порядокъ, общее вниманіе, единственно изъ уваженія къ смѣрному, любимому учителю. За пять лѣтъ помню только одинъ случай, когда спокойный, невозмутимый Адамовъ измѣнилъ своему обычному безмолвію. Случилось это какъ разъ со мной: урокъ Адамова былъ первымъ; я принесъ съ собой новый номеръ „С.-П.-Б. Вѣд.“ и, пользуясь тѣмъ, что вызванный къ доскѣ товарищъ рѣшалъ какую-то извѣстную мнѣ задачу, я развернулъ газету, разложилъ ее на классномъ столѣ и погрузился въ интересное чтеніе. Вдругъ слышу съ кафедры мягкой, добрый голосъ Адамова:

— Коршъ, вамъ недостаетъ только сигары для полного благополучія. Какъ мнѣ ни грустно огорчать васъ, я долженъ просить васъ убрать газету и прислушаться къ нашимъ занятіямъ.

Я молча сложилъ газету и направилъ свои взоры на доску.

Когда раздался звонокъ, возвѣщавшій конецъ урока, Адамовъ подозвалъ меня и мягко сказалъ мнѣ:

— Вы знаете, что я не люблю дѣлать въ классѣ ученикамъ гувернерскія замѣчанія; и мнѣ было крайне непріятно нарушать мое правило по отношенію къ такому хорошему ученику, какимъ я считаю васъ, но ваше пренебреженіе ко мнѣ, какъ къ учителю, и къ нашимъ занятіямъ просто обидѣло меня и я не выдержалъ. Надѣюсь, вы больше не будете въ классѣ читать газету.

Такъ кончались въ наше время конфликты съ учителями. И могу завѣрить сторонниковъ позднѣйшаго режима, что въ шестидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія, въ гимназіяхъ возможны были дѣтскія шалости, школьничанье, но въ нихъ не было злыхъ, отвратительныхъ, безнравственныхъ продѣлокъ, ставившихъ втупикъ весь учебный персоналъ, вызывавшихъ массовыя исключенія гимназистовъ, чуть не наканунѣ окончанія курса. Въ наше время учителя гимназій еще не смотрѣли на своихъ учениковъ, какъ на матеріаль для выработки людей, слѣпо „вѣрныхъ Царю и Отечеству“, не думающихъ, не разсуждающихъ, не стремящихся къ общему добру и не ищущихъ никакихъ идеаловъ. Все это пришло позднѣе, вслѣдъ за реформой графа Д. А. Толстого, которую напрасно зовутъ классицизмомъ, съ которымъ Толстовскія гимназіи не имѣли ничего общаго, представляя собою единственно Россійскій „бараній рогъ“ и ничего больше.

Возвратимся къ учителямъ Ларинской гимназіи.

Учителемъ физики былъ у насъ необыкновенно высокой и необыкновенно худой Николай Николаевичъ Фуссъ. Онъ старательно, но, къ сожалѣнію, крайне не интересно, пересказывалъ намъ старыя

учебникъ физики Ленца, раза два водилъ насъ въ бѣдный гимназическій физическій кабинетъ, гдѣ ни одна машина его не слушалась и упорно не подтверждала рассказаннаго имъ въ классѣ. Это, однако, нимало не смущало нашего физика; онъ утѣшался тѣмъ, что машины старыя, плохо дѣйствуютъ, обѣщаль ихъ починить и тогда показать намъ еще разъ, но обѣщаній этихъ такъ и не исполнилъ. Вспоминается одинъ курьезъ:

Фуссъ часто просиживалъ перемѣны въ физическомъ кабинетѣ, говоря, что онъ въ свободное отъ уроковъ время занимается починкою аппаратовъ и приведеніемъ ихъ въ порядокъ. Разъ какъ-то онъ засидѣлся въ кабинетѣ долѣе обыкновеннаго. Какой-то шутникъ изъ нашего класса пустилъ въ младшихъ классахъ слухъ, что Фуссъ сломался, и его въ кабинетѣ чинять. Мальчуганы подхватили любопытный слухъ и столпились въ библиотекѣ, около двери физическаго кабинета. Когда длинная, худая фигура Фусса показалась въ дверяхъ кабинета, мальчишки встрѣтили его хоромъ: „Фусса починили“ и толпой устремились за нимъ по коридору, вплоть до класса, въ который онъ шель, повторяя нелѣпую фразу: „Фусса починили“. Какъ ни старались классные надзиратели прекратить эту—говоря современнымъ языкомъ—демонстрацію, ничего сдѣлать не могли, пока звонокъ не загналъ „демонстрантовъ“ и зрителей въ классы. И, представьте себѣ, никому и въ голову не пришло разыскивать виновника невинной шутки, породившей шумъ на всю гимназію.

Другой курьезъ, сохранившійся въ моей памяти, вѣроятно, потому, что въ немъ я былъ дѣйствующимъ лицомъ:

На одномъ изъ первыхъ уроковъ физики Фуссъ повѣдалъ намъ, что водородъ самъ горитъ, а кислородъ поддерживаеъ горѣніе. Когда, затѣмъ, намъ было сказано, что вода состоитъ изъ водорода и кислорода, я рѣшился спросить Фусса:

— Отчего же вода не только не горитъ, но даже тушитъ огонь?

— Этого не знаетъ даже профессоръ Перушевскій, и я прошу мнѣ глупыхъ вопросовъ не задавать. Все, что вамъ нужно знать, я расскажу самъ безъ вашихъ вопросовъ.

Такъ недоумѣніе мое и осталось безъ разъясненія.

Больше о Фуссѣ ничего не помню.

Исторію, всеобщую и Русскую, преподавалъ намъ Дм. Мих. Воскресенскій. О немъ я храню доброе воспоминаніе. Правда, историкъ онъ былъ не важный, не шель дальше Иловайскаго и краткаго

Соловьева, но человекъ былъ несомнѣнно хорошій и учитель полезный. Кружокъ моихъ ближайшихъ товарищей, сидѣвшихъ со мною на одной скамьѣ, пользовался особымъ благоволеніемъ Воскресенскаго, всѣхъ насъ онъ называлъ не иначе, какъ по имени и отчеству, вѣрилъ нашимъ знаніямъ, видѣлъ, что мы кое-что почитываемъ, вообще, занимаемся прилежно и толково, не забываемъ пройденнаго курса, и Дм. Мих. цѣнилъ и былъ внимателенъ къ нашей скамьѣ. Долго мы отвѣчали урокъ, стоя на своемъ мѣстѣ. Это давало возможность отлично подсказывать слабому, или случайно неприготовившему урока товарищу; находились между нами такіе искусные суфлеры, что умѣли, незамѣтно для учителя, суфлировать связно весь урокъ и помогать товарищамъ, не приготовившимъ заданнаго, получать высшій баллъ и одобреніе Воскресенскаго, который, наконецъ, замѣтилъ дошедшее до дерзости подсказываніе и началъ вызывать для отвѣта къ кафедрѣ и прохаживаться между отвѣчающимъ и классомъ все время отвѣта. Подсказывать при этомъ условіи было затруднительно и возможно лишь съ первой скамейки. Воскресенскій торжествовалъ, мы приуныли, но не надолго. Скоро выходъ изъ затрудненія былъ найденъ: суфлеры перемѣстились на первую скамейку, и подсказыванье успѣшно продолжалось, пока Воскресенскій не догадался попытаться прекратить его добрымъ словомъ, рассчитаннымъ на наше самолюбіе:

— Не думайте, что я молчу потому, что ничего не замѣчаю; я молчу потому, что мнѣ стыдно и больно уличать васъ въ недостойномъ порядочныхъ юношей обманѣ. Пора вамъ понимать, что вы учитесь не для меня, а для самихъ себя, что ваши родители прислали васъ въ гимназію для приобрѣтенія знаній, а не для изошренія въ способахъ надуть учителя. Еще недавно за такія продѣлки гимназистовъ, какъ маленькихъ звѣрковъ, сѣкли розгами; теперь васъ не сѣкутъ, съ вами разговариваютъ, какъ съ юношами, способными понимать слово разумнаго убѣжденія, учиться не изъ подъ палки, а сознательно. Такое отношеніе надо оправдать; вы уже не дѣти, можете понимать, что обманывать другихъ скверно, а самихъ себя глупо. И мнѣ просто обидно, что вы вынуждаете меня говорить вамъ то, что вы должны были бы чувствовать сами, своимъ чистымъ, юнымъ сердцемъ, своимъ молодымъ чуткимъ умомъ. Подумайте о моихъ словахъ, перестаньте огорчать меня и оскорблять себя.

И подсказываніе прекратилось.

Чрезвычайно оригинальный типъ представлялъ нашъ учитель географіи, добрѣйшій Вас. Степ. Парамоновъ. Человекъ мало образованный,

грубо религиозный, но любознательный, падкій до всякихъ новостей, городскихъ происшествій, политическихъ событій, онъ былъ искреннимъ поклонникомъ Англійской королевы Викторіи и не терпѣлъ Наполеона III-го. Онъ охотно проводилъ цѣлые классы, рассказывая намъ о ледоходѣ на Невѣ, о бывшихъ съ нимъ происшествіяхъ, о извѣстныхъ ему чудесахъ различныхъ иконъ и святыхъ, о подлостяхъ Наполеона и мудрости Викторіи, такъ что у насъ образовался особый спортъ—„заговаривать Парамонова“ и тѣмъ избавляться отъ отвѣтовъ по географіи. Въ большинствѣ случаевъ намъ это удавалось, но иногда попытка заговорить болтливаго учителя срывалась и онъ рѣзко обрывалъ заговорщика. Помню, разъ одинъ товарищъ, всегда довольно искусно заговаривавшій Парамонова, спросилъ его:

— А правда, Василій Степановичъ, что мы думаемъ потому, что въ мозгу нашемъ есть фосфоръ?

— Кто еще выдумалъ эту глупость?—отвѣтилъ бывший не въ духѣ на этотъ разъ Вас. Степ.—Возьми фосфорную спичку, вставь въ з....., какъ ты полагаешь, она начнетъ у тебя думать? Я полагаю, она будетъ продолжать дѣлать свое возложенное на нее Господомъ Богомъ дѣло, и никакой фосфоръ не собьетъ ее съ предначертаннаго ей пути. И говорить объ этомъ больше не хочу.

И обидившійся за Господа Бога учитель географіи предложилъ кому-то перечислить ему рѣки и горы Америки. „Заговоръ“ не удался.

Парамоновъ рабски почиталъ и боялся начальства. Посѣщеніе попечителя приводило его прямо въ трепеть: онъ терялся, начиналъ насъ спрашивать зря, безтолково, не замѣчалъ ошибокъ, суетился, старался вызвать къ картѣ вполне надежнаго ученика, глазами наводилъ его, подсказывалъ, кивкомъ головы останавливалъ движеніе палки, которую вызванный водилъ по картѣ, разыскивая названный ему географическій пунктъ. Очевидно, провести и надуть начальство Вас. Степан. не считалъ грѣхомъ противъ Духа Святого. Напротивъ, находчивость ученика въ этомъ отношеніи онъ очень цѣнилъ, чему нагляднымъ доказательствомъ служить слѣдующій фактъ:

Середина урока. Классъ напряженно, съ великимъ интересомъ слушаетъ какое-то постороннее географіи повѣтствованіе Парамонова. Вдругъ, неожиданно отворяется дверь и показывается армянская фигура попечителя (И. Д. Деянова), въ сопровожденіи директора. Парамоновъ такъ и замеръ, стоитъ и молча смотритъ то на вошедшее начальство, то на насъ. Директоръ подставилъ попечителю учительское кресло, а самъ присѣлъ на первой ученической скамейкѣ. Пара-

моновъ на все это смотритъ молча, безучастно, не видитъ даже протянутой ему руки попечителя.

— Простите, я вамъ помѣшалъ,—обращается къ нему И. Д. Де-ляновъ,—прошу васъ, продолжайте.

Я догадался вывести Парамонова изъ охватившаго его столбняка, всталъ и началъ рассказывать по какимъ губерніямъ протекаетъ Волга. Когда я дошелъ до Астрахани, Парамоновъ, наконецъ, очнулся, понялъ, что я „спасаю“ его, глаза его улыбнулись мнѣ доброй, благодарной улыбкой, онъ похвалилъ мой „отвѣтъ“ и прекрасно аттестовалъ меня попечителю. Съ этого случая я до выпуска неизмѣнно получалъ изъ географіи 5. Правда, и зналъ я всю безконечную географическую номенклатуру, что называется на зубокъ, а дальше этой номенклатуры ничего и не требовалось. Ни забытый давно нашъ „Учебникъ географіи“ Обрдовскаго, ни Парамоновъ не давали намъ ничего, кромѣ неимовѣрнаго количества географическихъ названій, именъ царствующихъ особъ и другихъ главъ государствъ всего міра, среди которыхъ президенты республикъ не пользовались симпатіями нашего географа. „И что это за государство безъ государя“, презрительно говорилъ онъ.

Чтобы покончить съ учительскимъ персоналомъ Ларинской гимназіи, я долженъ посвятить нѣсколько строкъ нашему учителю латинскаго языка, извѣстному въ свое время классику, окончившему свою долгую педагогическую карьеру профессурой въ Варшавскомъ, если не ошибаюсь, университетѣ, Игнатію Андреевичу Коссовичу.

На первомъ же урокѣ латинскаго языка, просматривая списокъ учениковъ, И. А. остановился на моей фамиліи и произнесъ:

— Коршъ, Евгеній, сынъ Валентина?

— Да,—отвѣтилъ я.

— Знай же, что я твоего отца училъ греческому языку въ первой Московской гимназіи. Онъ учился отлично, и я его прекрасно помню, хотя это и было давно, въ началѣ сороковыхъ годовъ. Очень радъ, что приводится учить второе поколѣніе. Надѣюсь, и ты будешь у меня учиться такъ же хорошо, какъ учился твой отецъ.

Это случайное обстоятельство сразу поставило меня въ исключительное положеніе: Коссовичъ требовалъ, чтобы я все зналъ, понималъ неизвѣстный мнѣ латинскій текстъ, могъ угадывать значеніе словъ, сердился, если я затруднялся, упрекалъ въ отсутствіи „смекалки“. Въ такихъ случаяхъ я неизмѣнно утѣшалъ старика тѣмъ, что порядочно умѣлъ читать гекзаметръ и зналъ наизусть многія

строфы Овидія и Виргилія. И за это мнѣ прощалось многое. Коссовичъ не только отлично зналъ и понималъ латинскихъ авторовъ, онъ прямо любилъ самый звукъ латинской рѣчи, слушалъ стихи Овидія или Виргилія, какъ любимую музыку и добивался отъ насъ толковаго, сознательнаго, выразительнаго чтенія. Переводовъ съ русскаго на латинскій, которыми мучили гимназистовъ, выписанные графомъ Толстымъ чехи, Коссовичъ не переносилъ и никогда не практиковалъ. „Если бы Цицерону показали вашу латынь, онъ вторично умеръ бы отъ обиды за свой изувѣченный языкъ“— говорилъ намъ классикъ сороковыхъ годовъ. И когда министерство распорядилось, чтобы на выпускномъ экзаменѣ ученики обязательно испытывались въ умѣнны переводить съ русскаго на латинскій и рекомендовало для такихъ переводовъ выпущенную Смирновымъ специальную книжку „Упражненія въ переводѣ съ русскаго на латинскій“, Коссовичъ поручилъ лучшимъ ученикамъ нашего класса перевести всю „Смирновку“, тщательно выправилъ наши переводы и предложилъ раздѣлить между собой Смирновскіе параграфы на выпускномъ экзаменѣ, составить и передать ему передъ экзаменомъ списокъ, кому какой параграфъ пришлось подготовить. Большаго пренебреженія къ распоряженію классическаго министерства нашъ классикъ оказать не могъ.

Уроки Коссовичъ велъ своеобразно: мы отвѣчали ему сидя на своемъ мѣстѣ. „Будете вставать только тогда, когда въ классѣ находится начальство“,—сказалъ намъ на первомъ урокѣ добрѣйшій Игнатій Андреевичъ.—А передо мной вытягиваться не зачѣмъ.

Входятъ въ классъ попечитель и директоръ (И. Д. Деляновъ часто посѣщалъ нашу гимназію). Коссовичъ съ обычнымъ увлеченіемъ читаетъ и переводитъ намъ вторую книгу Виргилія. Появленіе „начальства“ прерываетъ чтеніе, и Коссовичъ вызываетъ кого-нибудь изъ лучшихъ учениковъ для перевода пройденныхъ строкъ. Ученикъ, по привычкѣ, начинаетъ читать сидя.

— Видишь,—прерываетъ его И. А.—начальство въ классѣ, надо встать. Деляновъ давно знаетъ Коссовича, какъ чудака, маньяка и не удивляется. Ученикъ послушно встаетъ, поднимаетъ книгу, держа ее раскрытою. Коссовичъ, къ ужасу своему, видитъ, что ученикъ читаетъ не по дешевому классному изданію Виргилія, а по французскому изданію, въ которомъ на одной страницѣ напечатанъ латинскій текстъ подъ нимъ французскій литературный переводъ, а на другой страницѣ, раздѣленной на два узкихъ столбца, приведена конструкція текста и параллельно дословный переводъ на французскій языкъ. Коссовичъ злится, но молчитъ. Ученикъ конструируетъ и переводитъ

превосходно. Попечитель выражает Коссовичу свое полное удовольствіе, хвалитъ ученика и удаляется; директоръ слѣдуетъ за нимъ.

Проводивъ начальство, Коссовичъ направляется къ отвѣчавшему ученику, передъ которымъ уже лежитъ законный *Виргилій*.

— Покажи книжку,—обращается къ нему И. А.

Ученикъ протягиваетъ законнаго *Виргилія*.

— Нѣтъ, не эту, а ту, по которой читаль при попечителѣ.

Смущенный ученикъ достаетъ изъ стола преступное изданіе. Коссовичъ отбираетъ книжку, говоря:

— Прекрасное изданіе для лѣнтяевъ, которыхъ маменька научила французскому языку, а гимназія—надувать учителей. Дорого она стоитъ?

— 60 к. каждый авторъ,—отвѣчаетъ ученикъ.

Скажи твоему отцу, что я отобралъ у тебя эту вредную книжонку и прошу его не давать тебѣ больше денегъ на покупку такихъ книгъ. А тебѣ я принесу взаменъ этой книжки въ подарокъ отъ меня хорошее нѣмецкое изданіе *Виргилія*.

Приведу еще одинъ характерный эпизодъ, касающійся Коссовича.

Вскорѣ послѣ выстрѣла Каракозова въ Императора Александра II, Коссовичъ приходитъ въ классъ, вынимаетъ изъ кармана газету и тетрадь писанныхъ стиховъ и говоритъ:

— Вы знаете, что нашелся злодѣй, поднявшій руку на нашего обожаемаго Государя. Наши поэты не могли не откликнуться на это позорное для всей Россіи событіе. Я принесъ вамъ стихи Майкова и другого поэта, менѣе извѣстнаго, котораго я пока не назову вамъ. Прочитавъ стихи Майкова, Коссовичъ открылъ принесенную тетрадь и началъ читать:

Раздался выстрѣлъ,—гдѣ?
Въ тебѣ, о, Петербургъ,
Въ родномъ Царей гвѣздѣ.
(Дальше не помню).

— Ну, какое стихотвореніе лучше?—окончивъ чтеніе, обратился къ намъ И. А.

— Майкова, Майкова, — единодушно отвѣтилъ классъ.—А второе чье?

Каково же было наше удивленіе, когда Коссовичъ отвѣтилъ намъ:

— Мое. Я не въ первый разъ грѣшу стихами. Скоро напечатаю небольшой сборникъ моихъ стиховъ, тогда принесу и буду продавать вамъ по уменьшенной цѣнѣ. Вскорѣ, дѣйствительно, Коссовичъ явился въ классъ со связкой тоненькихъ брошюрокъ, въ желтенькой обложкѣ, заключающихъ въ себѣ 3—4 крупно напечатанныхъ стихотвореній, внушенныхъ Крымскою войною, и въ заключеніе стихи, навѣянные выстрѣломъ Каракозова. Съ насъ за брошюрку Коссовичъ взыскивалъ, помнится, 50 к.; продавалась ли она въ книжныхъ лавкахъ и по какой цѣнѣ, я не знаю. Стихи были на рѣдкость плохи, и надо было удивляться, какъ человѣкъ, несомнѣнно чуткій въ древней поэзіи, не сознавалъ, что въ немъ нѣтъ и признака поэтическаго дарованія, что стихи его грубы, искусственны, вымучены отъ перваго до послѣдняго слова и чужды всякой искренности, не говоря о красотѣ, яркости и другихъ необходимыхъ качествъ сноснаго стихотворенія. Старикъ, однако, искренно считалъ себя поэтомъ и неудержимо мучилъ насъ чтеніемъ своихъ, никуда негодныхъ стиховъ.

Введеніе новыхъ гимназическихъ порядковъ, т.-е. новаго устава о гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія, предшествовала ревизія гимназій, черезъ профессоровъ мѣстныхъ университетовъ и членовъ ученаго комитета министерства. Ревизорами Ларинской гимназіи были назначены профессоры: Бугаевъ (математика), Куторга (исторія и географія), Орестъ Миллеръ (русскій языкъ и словесность), Лапшинъ (латинскій языкъ). Ревизоры мѣсяца два посѣщали гимназію ежедневно, присутствовали на урокахъ, задавали намъ изустные вопросы и письменныя работы. Все прошло весьма благополучно, никто изъ учителей не пострадалъ, всѣ ревизоры вынесли, повидимому, хорошее впечатлѣніе отъ учебныхъ занятій и выразили, какъ намъ передали В. С. Парамоновъ и И. А. Коссовичъ, директору и всему учительскому персоналу свое полное удовольствіе.

На насъ, учениковъ, наилучшее впечатлѣніе произвелъ профессоръ Куторга, потомъ Орестъ Миллеръ, за нимъ проф. Бугаевъ, Лапшинъ показался намъ сухимъ педантомъ, и мы его почему-то особенно боялись. Онъ сухо задавалъ вопросъ, выслушивалъ отвѣтъ и отпускалъ ученика на мѣсто, не оцѣнивая громко отвѣта, такъ что мы не знали—доволенъ ли онъ, или нѣтъ. Другіе ревизоры, особенно Куторга, тутъ же одобряли ученика, или поправляли ошибки отвѣта; Лапшинъ же сидѣлъ, какъ воды въ ротъ набралъ.

Наконецъ, ревизія была окончена. Насъ перевели безъ экзамена въ послѣдній, седьмой классъ, курсъ котораго состоялъ въ систематическомъ повтореніи всего, пройденнаго въ предыдущихъ шести

классахъ. Здѣсь насъ встрѣтила неожиданная реформа распредѣленія классныхъ занятій: мудрое начальство рѣшило, что повтореніе пойдеть успѣшнѣе гуртомъ и объявило намъ слѣдующее росписание уроковъ: въ день назначалось только два предмета, изъ которыхъ одинъ занималъ три, а другой два часа. Такимъ образомъ были дни, въ которые первые три часа сряду сидѣлъ у насъ въ классѣ Коссовичъ, а за нимъ два часа Парамоновъ, или Французъ Ранси, или Нѣмецъ Леференцъ; на другой день три часа предоставлялись Адамову для математики, а два Фуссу—для физики и т. д. Благодаря этой очевидной нелѣпости, которую не могли не сознать лучшіе наши учителя, занятія пошли вяло и явно неуспѣшно: для повторенія намъ задавалась, на примѣръ, чуть не вся древняя, или новая исторія, весь катехизисъ Филарета, вся тригонометрія, цѣлая книга Овидія, или Виргилія и т. д. Учителя ясно видѣли, что идетъ невообразимая чепуха, а мы предвидѣли неизбѣжный провалъ на выпускномъ экзаменѣ, послѣ бесполезно потеряннаго года. Среди приходящихъ учениковъ составилъ небольшой кружокъ товарищей, согласившихся не ходить ежедневно въ гимназію, а приходитъ разъ въ два мѣсяца на каждый предметъ и отвѣчать изъ всего повтореннаго за это время, занимаясь дома по учебнику. Я примкнулъ къ этому кружку. Разъ въ два мѣсяца намъ выставлялись среднія отмѣтки, выдавались бюллетени объ успѣхахъ для родителей, въ которыхъ выставлялась инспекторомъ отмѣтка о поведеніи и отмѣчалось число пропущенныхъ уроковъ. Первый полученный мною бюллетень свидѣтельствовалъ, что я, исправно посѣщая уроки, не былъ однако спрошенъ по нѣсколькимъ предметамъ и не имѣлъ отмѣтокъ по этимъ предметамъ. За то въ поведеніи у меня стояло 5. Слѣдующій бюллетень уже былъ иной: отмѣтки имѣлись по всѣмъ предметамъ, и всѣ хорошія, но въ поведеніи красовалась 3, а количество пропущенныхъ уроковъ опредѣлялось внушительной цифрой—167, которой и оправдывалась скромная отмѣтка за поведеніе. Выдавая мнѣ бюллетень, инспекторъ сказалъ:

— Вы, Коршъ, плохо посѣщаете классы. На первый разъ я вамъ уменьшилъ за это баллъ въ поведеніи. Если это не заставитъ васъ аккуратнѣе посѣщать уроки, будутъ приняты непріятныя принудительныя мѣры, вплоть до недопущенія васъ до выпускнаго экзамена.

— При первой принудительной мѣрѣ, я сейчасъ же выйду изъ гимназіи и буду просить о допущеніи меня до экзамена, въ качествѣ экстерна,—не задумываясь отвѣтилъ я на угрозу Ѳ. А. Постельса.

— Смотрите, не ошибитесь; округъ можетъ заинтересоваться причиной, вызвавшей оставленіе вами гимназіи наканунѣ выпускного экзамена и предложить вамъ поучиться еще годъ. Лучше ходите аккуратнo на урокъ.

— Когда я ходилъ въ гимназію каждый день, у меня по многимъ предметамъ не было никакихъ отмѣтокъ, меня по два мѣсяца по этимъ предметамъ ни разу не спрашивали, а теперь я имѣю хорошія отмѣтки по всѣмъ предметамъ, а плохая отмѣтка по поведенію мало огорчаетъ меня, какъ бывало, отмѣтки за чистописаніе и рисованіе.

Инспекторъ умолкъ. Не знаю, подумалъ ли онъ, что я рассчитываю на поддержку И. Д. Деянова, хорошо знавшаго моего отца и всегда интересовавшагося моими успѣхами. Часто посѣщая гимназію и всегда заходя на уроки въ сопровожденіи или директора, или инспектора, попечитель каждый разъ при посѣщеніи нашего класса подходилъ ко мнѣ, спрашивалъ меня о здоровьи отца, поручалъ передать ему поклонъ и вообще не скрывалъ своего добраго ко мнѣ участія. Постельсъ, какъ внимательный чиновникъ, могъ сообразить мои шансы и всю неумѣстность его угрозы.

Я продолжалъ, да и не я одинъ, свою систему повторенія курса дома и благополучно выдержалъ выпускной экзаменъ. Нашъ выпускъ былъ громадный—48 человекъ, и срѣзалось, помнится, не болѣе 3—4 человекъ. Экзамены были строгіе, серьезные, но никто изъ учителей и ассистентовъ не проявлялъ позднѣйшаго злорадства, никто насъ не „ловилъ“, не старался сбить никакими „фокусными“ вопросами, никто не игралъ нашею будущностью, всѣ посильно помогали намъ успѣшно окончить гимназію, никто не находилъ удовольствія въ томъ, чтобы „срѣзать“ юношу, и всѣ мы ушли изъ гимназіи съ добрымъ чувствомъ и всегда вспоминали и вспоминаемъ Ларинскую гимназію съ искренною признательностью. Можетъ быть, теперь и учатъ лучше, но относятся къ ученикамъ несомнѣнно менѣе сердечно, съ большимъ формализмомъ, съ большею сухостью, и въ этомъ люди моей генерации, можетъ быть, справедливо видятъ весь секретъ недостатковъ нашей средней школы.

Педагоги моего времени были проще, менѣе учены, но они были болѣе люди и не смотрѣли на дѣтей свысока, какъ на нѣчто отданное имъ не на воспитаніе, а на суровую, бездушную муштровку.

Е. В. Корнъ.

